

П. П. ЕРШОВ

КОНЁК-ГОРБУНОК

ДЕТГИЗ 1953

П. П. ЕРШОВ

КОНЁК-ГОРБУНОК

Рисунки Н. Кочергина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Начинается сказка сказываться».

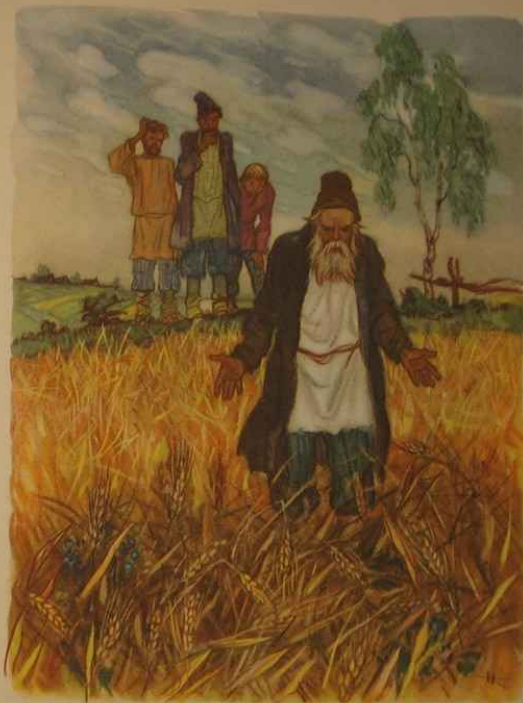
а горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.
У крестьянина три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:

Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени азь вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать¹.
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сеник.
Ночь проходит, день приходит;
С сеника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
„Эй, вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок

¹ Соглядатель — подсмотреть.

Тут Иван с печи слезает,
Малахай¹ свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом:
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
„Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!“
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И садится на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью² бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.
Вьётся кру́гом над полями,

¹ Малахай — здесь: длинная широкая одежда без пояса.
² Очью — озян, глазами.

Виснет пластью¹ надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
„Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько согласишься. Да смотри,
По три утринки зарю
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой;
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.

¹ Пластью — плетом.

Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле*.

„Ладно“, думает Иван
И в пастуший балаган¹
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
„Ходил молодец на Пресню*“.

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.

¹ Балаган — здесь: сарай, конюшня, стойло.

Чудо разом хмель посбило.
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
„Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал“.
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямоком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
„Где он это их достал? —
Старший среднему сказал. —
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей.
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу¹
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.

¹ Седмиза — здесь: седьмой день недели, воскресенье.

А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!"
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чуждую зверушку.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днём.
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Басурманить христиан.
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался,
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает

И с прискоккой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Всё попрежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоюет тут Иван,
Опершись о балаган:
„Ой, вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал!
Да какой вас чорт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!"

¹ Буерáк — небольшой овраг.

Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой, вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!"

Тут конёк ему заржал.
„Не тужи, Иван, — сказал. —
Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Ты на чорта не клеpli!¹
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пушусь да побегу,
Так и беса настигу!"²

Тут конёк пред ним ложится.
На конька Иван садится,
Уши в загреби³ берёт,
Что есть мочушки ревет.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

¹ Не клеpli — не обманай напрасно, не клеветни.
² Настигу — настигну.
³ Загреби — горсть.

А, признаться, у меня
 Ни огнива, ни кремня".
 Сам же думает Данило:
 „Чтоб тебя там задавило!"
 А Гаврило говорит:
 „Кто-петь¹ знает, что горит!
 Коль станичники² пристали —
 Поминай его, как звали!"

Всё пустяк для дурака,
 Он садится на конька,
 Бьёт в круты бока ногами,
 Теревит его руками,
 Изо всех горланит сил...
 Конь взвился, и след простыл.
 „Буди с нами крестна сила! —
 Закричал тогда Гаврило,
 Ограждая крестом святым. —
 Что за бес такой под ним!"

Огонёк горит светлее,
 Горбунок бежит скорее.
 Вот уж он перед огнём.
 Светит поле словно днём;
 Чудный свет кругом струится,
 Но не греет, не дымится.
 Диву дался тут Иван.
 „Что, — сказал он, — за шайтан!
 Шапок с пять найдётся свету,
 А тепла и дыму нету;
 Эко чудо-огонёк!"

Говорит ему конёк:
 „Вот уж есть чему дивиться!
 Тут лежит перо Жар-птицы,

¹ Кто-петь — это же
² Станичники — здесь: разбойники.

Но для счастья своего
 Не бери себе его.
 Много, много непокою
 Принесёт оно с собою". —
 „Говори ты! Как не так!"
 Про себя ворчит дурак.
 И, подняв перо Жар-птицы,
 Завернул его в тряпицы,
 Тряпки в шапку положил
 И конька поворотил.
 Вот он к братьям приезжает
 И на спрос их отвечает:
 „Как туда я доскакал,
 Пень горелый увидал;

Уж над ним я бился, бился,
 Так что чуть не надсадился;
 Раздувал его я с час.
 Нет ведь, чорт возьми, угас!"
 Братья целу ночь не спали,
 Над Иваном хохотали.
 А Иван под воз присел,
 Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
 И в столицу приезжали,
 Становились в конный ряд,
 Супротив больших палат.

В той столице был обычай:
 Коль не скажет городничий¹ —
 Ничего не покупать,
 Ничего не продавать.
 Вот обедня наступает;
 Городничий выезжает
 В туфлях, в шапке меховой,
 С сотней стражи городской.
 Рядом едет с ним глашатай,
 Длинноусый, бородатый;
 Он в злату трубу трубит,
 Громким голосом кричит:
 „Гости! Лавки отпирайте,
 Покупайте, продавайте.
 А надсмотрщикам сидеть
 Подле лавок и смотреть,
 Чтобы не было содому,
 Ни давёжа², ни погрому
 И чтобы никой урод
 Не обманывал народ!"

¹ Городничий — начальник города, старшину.

² Гости — старинное название купца, торговца.

³ Давёж — давка.

Гости лавки отпирают,
 Люд крещёный закликают:
 „Эй, честные господа,
 К нам пожалуйте сюда!
 Как у нас ли тары-бары,
 Всяки разные товары!"
 Покупальщики идут,
 У гостей товар берут;
 Гости денежки считают
 Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
 Приезжает в конный ряд;
 Смотрит — давка от народу,
 Нет ни выхода, ни входу;

Так кишмя вот и кишат,
 И смеются, и кричат.
 Городничий удивился,
 Что народ развеселился,
 И приказ отряду дал,
 Чтоб дорогу прочищал.
 „Эй! вы, черти босоноги!
 Прочь с дороги! прочь с дороги!“
 Закричали усачи
 И ударили в бичи.
 Тут народ зашевелился,
 Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд;
 Два коня в ряду стоят,
 Молодые, вороные,
 Вьются гривы золотые,
 В мелки кольца завитой,
 Хвост струится золотой...
 Наш старик, сколь ни был пылок,
 Долго тёр себе затылок.
 „Чуден, — молвил, — божий свет,
 Уж каких чудес в нём нет!“
 Весь отряд тут поклонился,
 Мудрой речи подивился.
 Городничий между тем
 Наказал престою всем,
 Чтоб коней не покупали,
 Не зевали, не кричали;
 Что он едет ко двору
 Доложить о всём царю.
 И, оставив часть отряда,
 Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.
 „Ты помилуй, царь-отец! —
 Городничий восклицает
 И всем телом упадает. —

Не вели меня казнить,
 Прикажи мне говорить!
 Царь изволил молвить: „Ладно,
 Говори, да только складно“. —
 „Как умею, расскажу:
 Городничим я служу;
 Верой-правдой исправляю
 Эту должность...“ — „Знаю, знаю!“ —
 „Вот сегодня, взяв отряд,
 Я поехал в конный ряд.
 Приезжаю — тьма народу!
 Ну, ни выходу, ни входу.
 Что тут делать?.. Приказал
 Гнать народ, чтоб не мешал.
 Так и случилось, царь-надежа!
 И поехал я — и что же?
 Предо мною конный ряд;
 Два коня в ряду стоят,
 Молодые, вороные,
 Вьются гривы золотые,
 В мелки кольца завитой,
 Хвост струится золотой,
 И алмазные копыты
 Крупным жемчугом обиты“.

Царь не мог тут усидеть.
 „Надо коней поглядеть, —
 Говорит он. — Да не худо
 И завести такое чудо.
 Гей, повозку мне!“ И вот
 Уж повозка у ворот.
 Царь умылся, нарядился
 И на рынок покатился;
 За царём стрельцов¹ отряд.

¹ Стрельцы — старинные войско.

Вот он въехал в конный ряд.
 На колени все тут пали
 И „ура“ царю кричали.
 Царь раскланялся и вмиг
 Молодцом с повозки прыг...
 Глаз своих с коней не сводит,
 Справа, слева к ним заходит,
 Словом ласковым зовёт,
 По спине их тихо бьёт,
 Треплет шею их крутую,
 Гладит гриву золотую,
 И, довольно насмотрясь,
 Он спросил, оборотясь

Но теперь мы их оставим,
 Снова сказкой позабавим
 Православных христиан,
 Что наделал наш Иван,
 Находясь во службе царской,
 При конюшне государственной;
 Как в суседки¹ он попал,
 Как перо своё проспал,
 Как хитро поймал Жар-птицу,
 Как похитил царь-девицу,
 Как он ездил за кольцом,
 Как был на небе послом,
 Как он в солнечном селенье
 Киту выпросил прощенье;
 Как, к числу других затей,
 Спас он тридцать кораблей;
 Как в котлах он не сварился,
 Как красавцем учинился²,
 Словом: наша речь о том,
 Как он сделался царём.

¹ Суседка — домовая (сибирское название).
² Учинился — сделаться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ачинается рассказ
 От Ивановых проказ,
 И от сивка, и от бурка,
 И от вешего коурка.
 Козы на море ушли;
 Горы лесом поросли;
 Конь с золотой узды срывался,
 Прямо к солнцу поднимался;
 Лес стоячий под ногой;
 Сбоку облак громовой;

«Скоро сказка сказывается,
 А не скоро дело делается».

Басурманин¹, ворожей,
Чернокнижник² и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божью не ходит,
Католичкой держит крест
И постами мясо ест³.

В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам всё в дырочку⁴ глядит,
Ждёт суседки... Чу! в сам-деле,
Двери глухо заскрипели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт
В три завернутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблестал,
Что чуть спальник не вскричал
И от страху так забился,
Что овёс с него свалился.
Но суседке невдомек!
Он кладёт перо в сусёк⁴,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,

¹ Басурманин — иностранец (старинное название).

² Чернокнижник — колдун.

³ Дырочка, дыра — дыра.

⁴ Сусёк — отгороженное место для хранения овса или другого зерна.

Изогнувшись. — Добро!
 Пусть имел бы он перо;
 Да и самую Жар-птицу
 Во твою, отец, светлицу,
 Если б вздумал приказать,
 Похваляется достать".
 И доносчик с этим словом,
 Скрючась обручем таловым¹,
 Ко кровати подошёл,
 Подал клад — и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
 Гладил бороду, смеялся
 И скусил пера конец.
 Тут, уклад его в ларец,
 Закричал (от нетерпенья),
 Подтвердив своё вельенье
 Быстрым взмахом кулака:
 „Гей! позвать мне дурака!"

И посыльные дворяна
 Побежали по Ивану,
 Но, столкнувшись все в углу,
 Растянулись на полу.
 Царь тем много любовался
 И до коблотья смеялся.
 А дворяна, усмотря,
 Что смешно то для царя,
 Меж собой перемигнулись
 И вдругбредь² растянулись.
 Царь тем так доволен был,
 Что их шапкой наградил.
 Тут посыльные дворяна
 Вновь пустились звать Ивана
 И на этот уже раз
 Обошлись без проказ.

¹ Таловый — таловый.

² Вдругбредь — в другой раз, снова.

Вот к конюшне прибегают,
 Двери настежь отворяют
 И ногами дурака
 Ну толкать во все бока.
 С полчаса над ним возились,
 Но его не добудились.
 Наконец уж рядовой
 Разбудил его метлой.

Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать её старайся*.
Тут Иван волчком вскочил.
„Я того не говорил! —
Закричал он утираясь. —
О пере не запираюсь,
Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведёшь*.
Царь, затряси бородою:
„Что? Рядиться! мне с тобою! —
Закричал он. — Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой!
Где-нибудь, хоть под водой,
Посажу тебя я на кол.
Вон, холоп!* Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую*;
Но как слёзы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
„Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк,
У его вертятся ног. —
Не утайся предо мною,
Всё скажи, что за душою.
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?“

* Рядиться — торговаться, препираться, договариваться.

* Дрягнул было плясовую — пустился в пляс, заплесал.

Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
„Ох, беда, конёк! — сказал. —
Царь велит достать Жар-птицу
В государскую светлицу.
Что мне делать, горбунок?“
Говорит ему конёк:
„Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, ехав в град-столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
Не бери, Иван, — беда!

Много, много непокою
 Принесёт оно с собою.
 Вот теперь ты узнал,
 Правду ль я тебе сказал.
 Но, сказать тебе по дружбе,
 Это службишка, не служба;
 Служба всё, брат, впереди.
 Ты к царю теперь поди
 И скажи ему открыто:
 „Надо, царь, мне два корыта
 Белоярова пшена
 Да заморского вина.
 Да вели поторопиться:
 Завтра, только зазорится,
 Мы отправимся в поход“.

Вот Иван к царю идёт,
 Говорит ему открыто:
 „Надо, царь, мне два корыта
 Белоярова пшена
 Да заморского вина.
 Да вели поторопиться:
 Завтра, только зазорится,
 Мы отправимся в поход“.
 Царь тотчас приказ даёт,
 Чтоб посыльные дворяна
 Всё сыскали для Ивана,
 Молодцом его назвал
 И „счастливый путь!“ сказал.

На другой день, утром рано,
 Разбудил конёк Ивана:
 „Гей! Хозяин! Полно спать!
 Время дело исправлять!“
 Вот Иванушка поднялся,
 В путь-дорожку собирался,
 Взял корыта и пшено

И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
„Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряней, привалило!
Чай, их тут десятков с пять.
Кабы всех переимать¹,
То-то было бы поживы!
Нéча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то — суший смех!
Чай, таких у куриц нету.
А уж сколько, парень, свету,
Словно батюшкина печи!“
И, скончав такую речь,
Наш Иван, кряхтя с надсады,
Вылез кой-как из засады,
Ко пшени с вином подполз —
Хватить одну из птиц за хвост.
„Ой, конёчек-горбуночек!
Прибегай скорей, дружок!
Я ведь птицу-то поймал“.
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
„Ай, хозяин, отличился! —
Говорит ему конёк. —
Ну, скорей её в мешок!
Да завязывай туже;
А мешок привесь на шею.
Надо нам в обратный путь“ —
„Нет, дай птиц-то мне пугнуть!“
Говорит Иван. — Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!“
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперёк.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,

¹ Переимать — передовать.

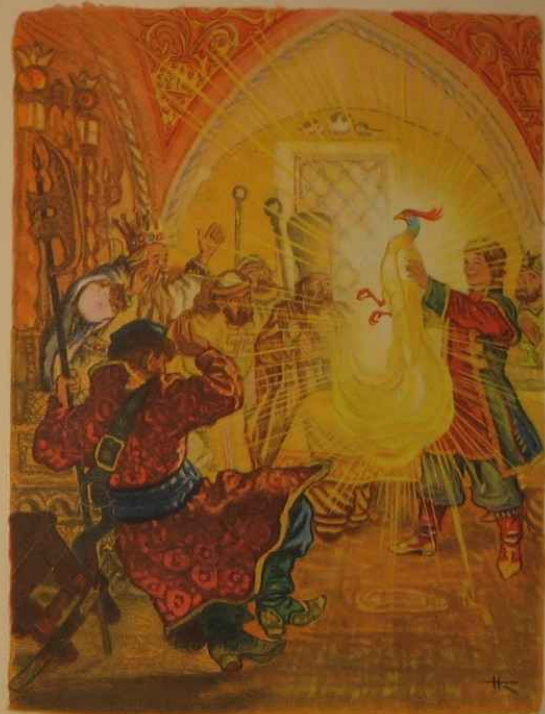
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.

Вот приехали в столицу.
„Что, достал ли ты Жар-птицу?“
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
„Разумеется, достал“,
Наш Иван царю сказал.
„Где ж она?“ — „Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне¹ затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить“.
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли.
Вот Иван мешок на стол:
„Ну-ка, бабушка, пошёл!“
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь двор² рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
„Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решётчных³ сзывайте!
Заливайте! Заливайте!“ —
„Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, —

¹ Почивальня, опочивальня — спальня.

² Весь двор — все приближённые царя.

³ Решётчный — пожарный (старинное название).

Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шляпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нём;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет..."

Спальник тут с полатей скок —
И со всех что было ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился;
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
„Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!" —
„Говори, да правду только,
И не ври, смотри, нисколько!"
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
„Мы севодни в кухне были,
За твоё здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной царь-девице.
Вот твой царский стремянкой
Поклялся твоей брадой,
Что он знает эту птицу, —
Так он назвал царь-девицу, —
И её, изволишь знать,
Похваляется достать".
Спальник стукнул об пол снова.
„Гей, позвать мне стремяннова!"
Царь посыльным закричал.

На другой день, утром рано,
 Разбудил конёк Ивана:
 „Гей! Хозяин! Полно спать!
 Время дело исправлять!“
 Вот Иванушка поднялся,
 В путь-дорожку собирался,
 Взял ширинки и шатёр
 Да обеденный прибор —
 Весь заморского варенья —
 И сластей для прохладенья;
 Всё в мешок дорожный склад
 И верёвкой завязал,
 Потеплее приоделся,
 На коньке своём уселся;
 Вынул хлеба ломоток
 И поехал на восток
 По тоё ли царь-девицу.

Едут целую седмицу,
 Напоследок, в день осьмой,
 Приезжают в лес густой.
 Тут сказал конёк Ивану:
 „Вот дорога к окияну,
 И на нём-то круглый год
 Та красавица живёт;
 Два разá она лишь сходит
 С окияна и приводит
 Долгий день на землю к нам.
 Вот увидишь завтра сам“.
 И, окончив речь к Ивану,
 Выбегает к окияну,
 На котором белый вал
 Оди́ншeнeк гулял.
 Тут Иван с конька слезает,
 А конёк ему вещает:
 „Ну, раскидывай шатёр,
 На ширинку ставь прибор

Из заморского варенья
 И сластей для прохладенья.
 Сам ложися за шатром
 Да смекай себе умом.
 Видишь, шлюпка вон мелькает...
 То царевна подплывает.
 Пусть в шатёр она войдёт,
 Пусть покушает, попьёт;
 Вот, как в гусли заиграет, —
 Знай, уж время наступает:
 Ты тотчас в шатёр вбегай,
 Ту царевну сохватай
 И держи её сильнее
 Да зови меня скорее.

Ты в другой раз не уйдёшь
И меня не проведёшь".
Тут в шатёр Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
„Ой, беги, конёк, беги!
Горбунок мой, помоги!"
Вмиг конёк к нему явился.
„Ай, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей
Да держи её плотней!"

Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает,
За белы руки берёт,
Во дворец её ведёт
И садит за стол дубовый
И под занавес шелковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
„Бесподобная девица!
Согласися быть царица.
Я тебя едва узрел¹ —
Сильной страстью воспикел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи
И во время бела дня —
Ох! измучают меня.
Молви ласковое слово!
Всё для свадьбы уж готово;
Завтра ж утром, светик мой,
Обвенчаемся с тобой
И начнём жить припеваю".

А царевна молодая,
Ничего не говоря,
Отвернулась от царя.

¹ Узрёл — увидел; узреть — увидеть.

Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, месяцу, притом
И спросать кое об чём..."
Тут конёк: „Сказать по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты теперь спать поди;
А назавтра, утром рано,
Мы поедем к окияну".

На другой день наш Иван,
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приделся,
На коньке своём уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Доскоча Макар осырами коня,
А конюше Макар в войводу попал»

а ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
„Эй, послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;

Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдет у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!
Это прísказка ведётся,
Сказка посëе начнётся.
Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:
„Что дадите мне за вестку?
Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула.
Не ходи ты по зарям!
Не кажися молодцам!“
Это прísказка велася,
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Вёрст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конёк Ивану:
„Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну—
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить;

Он учнёт тебя просить,
Чтоб ты в солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещай,
Да, смотри ж, не забывай!”

Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.

Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько вздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?» —
«Мы послы от царь-девицы,
Едем оба из столицы, —
Говорит киту конёк, —
К солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». —
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у солнышка спросить:
Долго ль мне в опале¹ быть
И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?» —
«Ладно, ладно, рыба-кит!»
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!»
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько вздыхает.

¹ Опала — гнев, немилость царя.

„Ладно, ладно, рыба-кит!“
 Наш Иван ему кричит.
 Тут конёк под ним забился,
 Прыг на берег и пустился,
 Только видно, как песок
 Вьётся вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,
 Едут низко ли, высоко
 И увидели ль кого —
 Я не знаю ничего.
 Скоро сказка говорится,
 Дело мёшкотно¹ творится.
 Только, братцы, я узнал,
 Что конёк туда вбежал,
 Где (я слышал стороною)
 Небо сходится с землею,
 Где крестьянки лён прядут,
 Прялки на небо кладут.

Тут Иван с землею простился
 И на небе очутился,
 И поехал, будто князь,
 Шапка набок, подбодрясь.
 „Эко диво! эко диво!
 Наше царство хоть красиво, —
 Говорит коньку Иван
 Средь лазоревых полян, —
 А как с небом-то сравнится,
 Так под стельку не годится.
 Что земля-то!.. ведь она
 И черна-то и грязна;
 Здесь земля-то голубая,
 А уж светлая какая!..
 Посмотри-ка, горбунок,

¹ Мёшкотно — медленно.

Видишь, вон где, на восток,
 Словно светится зарница...
 Чай, небесная столица...
 Что-то больно высока!“
 Так спросил Иван конька.
 „Это терем царь-девицы,
 Нашей будущей царицы, —
 Горбунок ему кричит. —
 По ночам здесь солнце спит,
 А полуденной порою
 Месяц входит для покою“.

Подъезжают; у ворот
 Из столбов хрустальный свод;
 Все столбы те золотые,
 Хитро в змейки завитые;
 На верхушках три звезды,
 Вокруг терема сады;

Оттого-то сын мой красный
 Завернулся в мрак ненастный,
 Луч свой жаркий погасил,
 Миру божью не светил:
 Все грустил, вишь, по сестрице,
 Той ли красной царь-девице.
 Что, здорова ли она?
 Не грустна ли, не больна?" —
 „Всем бы, кажется, красotka,
 Да у ней, кажись, сухотка:
 Ну, как спичка, слышь, тонка,
 Чай, в обхват-то три вершка;
 Вот как замуж-то поспеет,
 Так, небось, и потолокстеет:
 Царь, слышь, женится на ней".
 Месяц вскрикнул: „Ах, злодей!
 Вздумал в семьдесят жениться
 На молоденькой девице!
 Да стою я крепко в том —
 Просидит он женихом!
 Вишь, что старый хрен затеял:
 Хочет жать там, где не сеял!
 Полно, лаком больно стал!"
 Тут Иван опять сказал:
 „Есть ещё к тебе прощенье,
 То о китовом прощенье...
 Есть, вишь, море; чудо-кит
 Поперёк его лежит:
 Все бока его изрыты,
 Частоколы в рёбра вбиты...
 Он, бедняк, меня просал',
 Чтобы я тебя спрашал:
 Скоро ль кончится мученье?
 Чем сыскать ему прощенье?
 И на что он тут лежит?"

1. Прощал — просил.

И что мочи есть кричит:
 „Чудо-юдо рыба-кит!
 Оттого твои мученья,
 Что без божия веленья
 Проглотил ты средь морей
 Три десятка кораблей.
 Если дашь ты им свободу,
 Снимет бог с тебя невзгоду,
 Вмиг все раны заживит,
 Долгим веком наградит“.
 И, окончив речь такую,
 Закусил узду стальную,
 Понатужился — и вмиг
 На далёкий берег прыг.

Чудо-кит зашевелился,
 Словно холм поворотился,
 Начал море волновать
 И из челюстей бросать
 Корабли за кораблями
 С парусами и гребцами.

Тут поднялся шум такой,
 Что проснулся царь морской:
 В пушки медные палили,
 В трубы кованы трубили;
 Белый парус поднялся,
 Флаг на мачте развился;
 Поп с причётом всем служебным
 Пел на палубе молебны;
 А гребцов весёлый ряд
 Грянул песню наподхват:
 „Как по моречку, по морю,
 По широкому раздолью,
 Что по самый край земли,
 Выбегают корабли...“

Волны моря закружились,
 Корабли из глаз сокрылись.
 Чудо-юдо рыба-кит
 Громким голосом кричит,
 Рот широкий отворяя,
 Плесом волны разбивая:
 „Чем вам, други, услужить?
 Чем за службу наградить?
 Надо ль раковин цветистых?
 Надо ль рыбок золотистых?“

¹ Плес, или плеск, — рыбий хвост.

Все проливы переплыли,
Не могли ерша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...

Вдруг дельфины услышали
Где-то в маленьком пруде
Крик неслыханный в воде,
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, —
Глядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерётся с карасём.
„Смирно! черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!“
Закричали им гонцы,
„Ну, а вам какое дело? —
Ёрш кричит дельфинам смело. —
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!“

„Ох ты, вечная гуляка
И крикун и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать.
Дома — нет, ведь не сидится!..
Ну да что с тобой рядиться, —
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас“.

Тут проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назад.
Ёрш ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться.“

Распроклятый тот карась
Поносил меня вчера
При честном при всем собрании
Неподобной разной бранью..."
Долго ёрш ещё кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.

"Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?"
Кит со гневом закричал.
На колени ёрш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
"Ну, уж бог тебя простит! —
Кит державный говорит. —
Но за то твоё прощенье
Ты исполни повеленье". —
"Рад стараться, чудо-кит!"
На коленях ёрш лищит.
"Ты по всем морям гуляешь,
Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?" — "Как не знать!
Можем разом отыскать". —
"Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!"

Тут, отдав царю поклон,
Ёрш пошёл, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился,
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.

Совершив такое дело,
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне —
Пуд по крайней мере во сто.
"О, здесь дело-то не просто!"
И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.

Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего —
У-у-у! да о-о-о!
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.

Чай, старик уж умирает".
 Тут Ванюша отвечает:
 „Рад бы радостью поднять.
 Да ведь силы не занять!
 Сундучишко больно плотен,
 Чай, чертей в него пять сотен
 Кит проклятый насажал.
 Я уж трижды подымал:
 Тяжесть страшная такая!"
 Тут конёк, не отвечая,
 Поднял ящичек ногой,
 Будто камышек какой,
 И взмахнул к себе на шею.
 „Ну, Иван, садись скорее!
 Помни, завтра минет срок,
 А обратный путь далёк".

Стал четвёртый день зориться.
 Наш Иван уже в столице.
 Царь с крыльца к нему бежит —
 „Что кольцо моё?" кричит.
 Тут Иван с конька слезает
 И преважно отвечает:
 „Вот тебе и сундучок!
 Да вели-ка скликать полк:
 Сундучишко мал хоть на вид,
 Да и дьявола задавит".
 Царь тотчас стрельцов позвал
 И не медля приказал
 Сундучок отнести в светлицу,
 Сам пошёл по царь-девицу.
 „Перстень твой, душа, найден, —
 Сладкогласно молвил он, —
 И теперь, примолвить снова,
 Нет препятствия никакого
 Завтра утром, светик мой,
 Обвенчаться мне с тобой.

А потом ещё в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!"

Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.
"Что, опять на окян? —
Говорит царю Иван. —
Нет уж, дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.
Не поеду ни за что!" —
"Нет, Иванушка, не то.
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый, думаю, налить
До краёв водой студёной,
А второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться
Пробы ради искупаться
В этих трёх больших котлах,
В молоке и в двух водах". —
"Вишь, откуда подъезжает! —
Речь Иван тут начинает. —
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросёнок,
Не индюшка, не цыплёнок.
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить, мудрить
Да Ивана проводить!"
Царь, затрясши бородою:

"Что? рядиться мне с тобою! —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье,
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда бо́лесть злая!"
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конёк его лежал.

"Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк. —

Завернулася в фату¹.
 Вот Иван к котлам поднялся,
 Глянул в них — и зачесался.
 „Что же ты, Ванюша, стал? —
 Царь опять ему вскричал. —
 Исполни-ка, брат, что должно!“
 Говорит Иван: „Не можно ль,
 Ваша милость, приказать
 Горбунка ко мне послать.
 Я в последни б с ним простился“.
 Царь, подумав, согласился
 И изволил приказать
 Горбунка к нему послать.
 Тут слуга конька приводит
 И к сторонке сам отходит.

Вот конёк хвостом махнул,
 В те котлы мордой макнул,
 На Ивана дважды прыснул,
 Громким посвистом присвистнул.
 На конька Иван взглянул
 И в котёл тотчас нырнул,
 Тут в другой, там в третий тоже,
 И такой он стал пригожий,
 Что ни в сказке не сказать,
 Ни пером не написать!
 Вот он в платье нарядился,
 Царь-девице поклонился,
 Осмотрелся, подбодрясь,
 С важным видом, будто князь.

„Эко диво! — все кричали. —
 Мы и слыхом не слыхали,
 Чтобы лезя* похорошеть!“

¹ Фата — женское покрывало из лёгкой ткани.
² Лезя — можно.

Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котёл — и там сварился!

Царь-девица тут встаёт,
Знак к молчанью подаёт,
Покрывало поднимает
И к прислужникам вещает:
„Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль и вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего
И супруга моего!“
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.

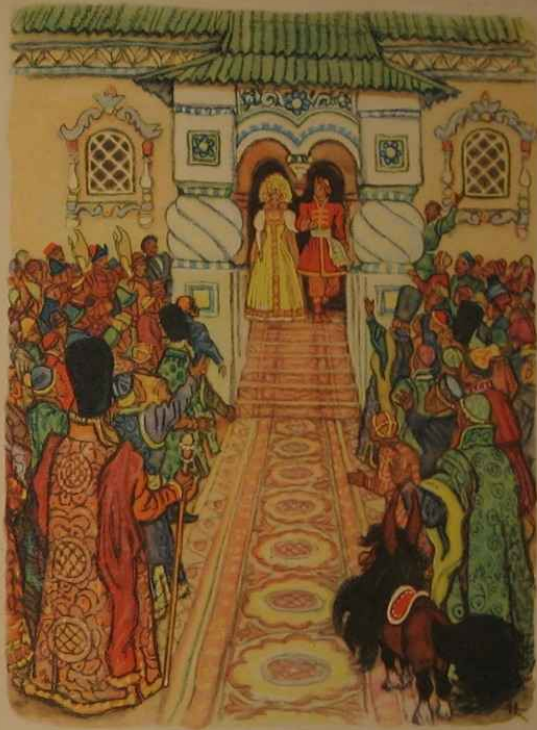
„Люба, любя! — все кричат. —
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана!
Признаём царя Ивана!“

Царь царицу тут берёт,
В церковь божью ведёт,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг налою.

Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют,
Бочки с фряжским² выставляют,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерёт:
„Здравствуй, царь наш со царицей,
С распрекрасной царь-девицей!“

¹ Талан — счастье, удача.

² Бочки с фряжским — бочки с заморским вином.

Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

